

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Мадрис Рито С. Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017) // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76924 EDN: EEPVPW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76924

Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017)

Мадрис Рито Селене Андрейна

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

108809, Россия, г. Москва, р-н Внуково, ул. Аэростатная, д. 14 к. 2

✉ celenea.10@gmail.com

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76924

EDN:

EEPVPW

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: В статье рассматривается латиноамериканская «мягкая сила» в Гаити в период деятельности Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации (МООНСГ) в 2004–2017 гг. как совокупность политico-дипломатических, гуманитарных, полицейских и инфраструктурных практик, посредством которых Бразилия и Чили выступали главными региональными опорами миссии, одновременно формируя собственные модели международного влияния в пространстве сотрудничества Юг–Юг. Предметом анализа являются формы указанного влияния, их институциональная связь с мандатом МООНСГ и их воздействие на легитимацию миссии внутри гаитянского общества и в международной среде. Научная новизна состоит в реконструкции МООНСГ как институциональной площадки, где «мягкая сила» Бразилии и Чили развивалась не параллельно миротворчеству, а внутри него, опираясь на военно-полицейские и

гражданские компоненты миссии. Показано, что Бразилия использовала статус ведущей страны военного компонента для расширения дипломатического авторитета и проектов сотрудничества, тогда как Чили закреплялась через инженерно-гуманитарные функции и локальную инфраструктурную поддержку. Делается вывод о том, что латиноамериканское лидерство в МООНСГ задавало специфический региональный профиль миссии, посредством которого сочетались задачи безопасности и практики международной легитимации, однако пределы «мягкой силы» проявлялись в кризисах доверия после 2010 г. и в неоднозначном восприятии миссии гаитянским обществом. В исследовании применялись анализ документов, количественные методы, статистический анализ и сравнительное изучение полученных данных. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что латиноамериканское лидерство в МООНСГ задало специфический региональный профиль миссии, в котором сочетались задачи безопасности и практики международной легитимации. «Мягкая сила» Бразилии и Чили была институционально встроена в миротворческие процедуры и развивалась через них, а не параллельно им. Завершение МООНСГ и переход к последующей миссии по поддержке правосудия подтвердили преемственность этой связи, сохранив каналы внешнего влияния в менее военизованных формах. Таким образом, гаитянский опыт демонстрирует, что в длительных операциях по стабилизации силовое и «мягкое» измерения миротворчества взаимно обусловлены, а устойчивость внешнего влияния определяется не только ресурсами, но и степенью доверия принимающего общества.

Ключевые слова:

Гаити, МООНСГ, Бразилия, Чили, мягкая сила, миротворчество, ООН, публичная дипломатия, гражданская безопасность, Латинская Америка

Латиноамериканская «мягкая сила» в действии в гаитянском случае 2004–2017 гг. подлежит рассмотрению как специфическая форма международного влияния, совмещающая миротворческое участие, публичную дипломатию и практики сотрудничества Юг–Юг. Принято считать, что операции ООН в постконфликтных странах ограничиваются рамками безопасности и политического сопровождения, а экономические и символические эффекты принимаются как вторичные. Однако анализ практик МООНСГ показывает, что длительный мандат, многокомпонентная организация и участие региональных держав создавали устойчивые каналы не только силового регулирования, но и формирования благоприятного образа, расширения гуманитарного присутствия и закрепления латиноамериканских государств в качестве значимых внешних партнеров Гаити. В результате данная миссия может быть интерпретирована как среда, в которой «мягкая сила» не противопоставлялась военному компоненту, а развивалась в тесной связи с ним [1].

Предмет исследования составляет соотношение политico-военной роли Бразилии и Чили в МООНСГ и тех форм «мягкого» влияния, которые были ими развернуты в гаитянском обществе и институтах. Методологически работа опирается на сравнительно-исторический и институциональный подходы политического анализа, позволяющие реконструировать взаимосвязь между мандатными установлениями, практиками их исполнения и внешнеполитическими целями участников миссии. Д. Г. Балуев подчеркивал, что политический анализ требует учета не только формальных норм, но и реальных механизмов распределения полномочий и ресурсов, поддерживающих эти нормы в конкретной среде [2]. В рассматриваемом случае данный тезис позволяет

соединить нормативное измерение мандата МООНСГ с фактическими практиками латиноамериканских контингентов.

К настоящему времени имеется достаточно данных, свидетельствующих, что формирование МООНСГ было обусловлено кризисом государственности Гаити начала 2004 г., сопровождавшимся вооруженными выступлениями и утратой национальной администрацией контроля над значительной частью территории. В резолюции 1529 Совета Безопасности было санкционировано развертывание многонациональных временных сил, а резолюция 1542 учредила МООНСГ с расширенным мандатом по стабилизации [12; 13]. В промежуточном докладе Генерального секретаря от 30 августа 2004 г. закреплялась необходимость создания безопасной среды, поддержки политического процесса, реформы полиции и содействия правам человека [11]. Согласно справочной информации ООН, миссия включала военный компонент численностью до 6700 военнослужащих и полицейский компонент до 1622 сотрудников при развитой гражданской структуре по вопросам гуманитарной помощи, управления и развития [9; 10]. Х. Вальдес указывал, что переход к МООНСГ означал институциональное смещение от прежних форм «поддержки» к режиму «стабилизации», то есть к более широкому вмешательству в восстановление управлеченческих функций государства [3]. При таком устройстве миссия рассматривалась не как временная силовая мера, а как центральный координационный контур постконфликтного восстановления.

Важным контекстом выступает предыстория аристидовского периода. З. Гонсалес Райнерио трактовал кризис власти Жан-Бертрана Аристида как проявление структурной слабости политических институтов и высокой зависимости от внешних доноров, что сделало страну уязвимой для рецидива насилия [4]. Э. Серрано Кабальеро развивал мысль о том, что гаитянские операции 1990-х – начала 2000-х гг. были последовательными попытками международного управления нестабильностью при постоянном риске срыва демократизации [16]. Поэтому в 2004 г. для Совета Безопасности приоритетом стало предотвращение новой волны вооруженного конфликта и поддержка переходного режима через долговременную миссию.

Существуют основания согласиться с позицией М. Калдор, согласно которой гражданская безопасность в глобализированном мире становится зоной совместного регулирования, где силовые меры неизбежно сопрягаются с социально-экономическими и институциональными программами, ориентированными на создание устойчивой легитимности [6]. В МООНСГ эта логика получала прямое выражение: безопасность понималась не как самоцель, а как условие для восстановления государственного управления, проведения выборов и создания инфраструктуры правопорядка [5; 11]. А. С. Мелькин отмечал, что в постконфликтных государствах миростроительство ООН обретает комплексный правовой характер, в котором политические, гуманитарные и полицейские компоненты служат единому восстановительному замыслу [7]. В результате мандат МООНСГ формировал институциональную среду, благоприятную для «мягкого» влияния участников миссии.

Особое место в миссии заняли латиноамериканские контингенты, прежде всего Бразилия и Чили. По данным ООН, лидерство в военном компоненте было передано Бразилии, что обеспечивало ей непосредственное участие в оперативном управлении и политическом представительстве миссии, тогда как Чили являлась одним из ключевых региональных участников, размещенных преимущественно за пределами столицы в районах северной

ответственности [9; 10]. П. Триподи аргументировал, что бразильская вовлеченность в Гаити должна пониматься как средство демонстрации региональной ответственности и укрепления международного статуса страны в рамках коллективной безопасности [19]. В интерпретации Б. Малакальсы латиноамериканское участие в миссии развивалось как часть проекта сотрудничества Юг–Юг, где миротворчество выступало политическим и символическим каналом укрепления взаимной легитимности государств региона на глобальной арене [21]. Эти соображения позволяют рассматривать бразильскую и чилийскую линии как элементы общей стратегии «мягкой силы», дополнившие их силовое присутствие.

Для раскрытия содержания «мягкой силы» в миротворческом контексте представляется важным привлечение положений теории публичной дипломатии. Р. С. Захарна подчеркивала, что устойчивое международное влияние формируется через сочетание информационных и реляционных коммуникаций, где решающими становятся длительность контактов, доверие и воспринимаемая полезность внешнего участника [23]. В условиях МООНСГ эти параметры обеспечивались самой миссией, поскольку ее долговременность и многокомпонентность позволяли странам-контрибьюторам включаться в повседневные социальные практики, образовательные и гуманитарные программы, а также в коммуникацию с местными элитами. Таким образом, сила воздействия проявлялась не только через официальные заявления, но и через мелкие, но регулярные институциональные связи.

В отечественной литературе о символических аспектах международного участия ООН обращается внимание на роль «неклассических» представителей и коммуникативных посредников. А. Я. Баланык показывал, что деятельность посланников мира и иных публичных фигур ООН способствует укреплению доверия к миссии и формирует объекты символической поддержки, которые затем транслируются в национальные и международные медийные контуры [11]. Хотя в гаитянском материале акцент ставился на контингентах и институтах, аналогичная логика распространялась на латиноамериканское участие в целом: присутствие Бразилии и Чили создавало для них канал коллективной легитимации как государств, способных осуществлять не только военное, но и гуманитарно-управленческое сопровождение.

Бразильская линия в миссии характеризовалась сочетанием военного лидерства и активного участия в гражданских программах. В докладах Генерального секретаря подчеркивалось, что успех миссии связывался с реформой Гаитянской национальной полиции, восстановлением правосудия и поддержанием общественного порядка при одновременном развитии гуманитарных мер [5; 11]. Бразильское командование, руководя военным компонентом, получало прямой доступ к оценке рисков, планированию развертывания и взаимодействию с гражданской администрацией миссии, что усиливало ее способность формировать повседневную безопасность на местах и обеспечивать условия для гуманитарных инициатив. По утверждению С. А. Тишкова, МООНСГ постепенно выработала современную парадигму многокомпонентного миротворчества, в которой силовая и гражданская деятельности взаимно поддерживали друг друга [17]. Такая парадигма была особенно заметна в бразильских практиках, поскольку их инициативы в сфере безопасности сопровождались медицинскими, образовательными и инфраструктурными действиями, направленными на формирование устойчивого контактного поля с населением.

Чилийская линия имела меньший масштаб по численности и финансированию, однако

отличалась отраслевой определенностью и устойчивой ориентацией на инженерно-гуманитарные практики. Справочные сведения ООН о развертывании МООНСГ фиксировали, что чилийские подразделения выполняли функции, связанные с обеспечением коммуникаций, инженерным сопровождением и поддержанием зон ответственности вне столицы [9; 10]. В результате формировалась сеть взаимодействий с местными администрациями и общинами, где присутствие чилийцев воспринималось через практическую полезность и регулярность контактов. Э. Варрей, реконструируя эволюцию миссий ООН в Гаити, отмечал последовательное усиление гражданского компонента после 2004 г., что расширяло сферу гуманитарных и инфраструктурных программ независимо от состава военного контингента [22]. В таких условиях инженерная и гуманитарная специализация Чили становилась важным ресурсом «мягкого» влияния, поскольку обеспечивала видимые результаты в конкретных секторах повседневной жизни.

Наличие противоположных точек зрения на природу латиноамериканского участия в Гаити отражено в литературе. Одни исследователи исходят из того, что Бразилия и Чили действовали главным образом из политических мотивов, стремясь подтвердить приверженность коллективной безопасности, а также укрепить кооперацию Юг–Юг, при этом не ставя самостоятельных задач по формированию устойчивого «мягкого» присутствия. Такая позиция опирается на мандатные установки, где приоритетом выступали безопасность, выборы, полиция и права человека [5; 11]. Другие авторы полагают, что длительная миссия неизбежно создавала для ведущих участников устойчивые репутационные и институциональные преимущества, выражавшиеся в расширении культурных, гуманитарных и образовательных связей, что и является сущностью «мягкой силы». По мнению Б. Малакальсы, латиноамериканские государства использовали гаитянский опыт как площадку для демонстрации альтернативной, «южной» модели международной солидарности, где помочь развитию напрямую связывалась с политической репутацией [21]. На наш взгляд, вряд ли следует отрицать тот факт, что обе логики сосуществовали и дополняли друг друга, поскольку официальные цели миссии не исключали того, что репутационные и коммуникативные эффекты накапливались структурно, как результат длительного присутствия.

Крупным фактором изменения контекста миссии стали события 2010 г., которые целесообразно рассматривать не как эпизод, внешне прервавший миротворческий процесс, а как структурный поворот, изменивший параметры его функционирования и распределение внутримиссионных приоритетов. Землетрясение 12 января 2010 г. разрушило значительную часть административной и коммунальной инфраструктуры Гаити, вызвало гибель большого числа гражданских лиц и одновременно повлекло потери среди персонала ООН, поскольку штабные и гражданские подразделения дислоцировались в пространстве наиболее сильного воздействия толчков. Сказанное подтверждается тем, что уже в первые недели после катастрофы была зафиксирована необходимость немедленной корректировки мандата и численности миссии, так как прежние ресурсные и организационные параметры МООНСГ перестали соответствовать масштабу гуманитарного и институционального кризиса. В резолюции 1908 Совета Безопасности было санкционировано увеличение численности военного и полицейского компонентов для поддержки срочного восстановления, обеспечения общественного порядка и защиты гражданского населения [14]. При этом сама формула резолюции исходила из презумпции неразрывности задач безопасности и реконструкции, что позволяет согласиться с подходом, в рамках которого чрезвычайная ситуация не отделяется от миротворческой логики, а переопределяет ее содержательные акценты.

В докладе Генерального секретаря, подготовленном для оценки динамики миссии, подчеркивалось, что стабилизация после землетрясения должна опираться на одновременное восстановление полицейских, судебных и муниципальных механизмов, без чего невозможно удержание минимального правопорядка и поддержание доверия граждан [15]. Резолюция 1944, продлевавшая миссию в октябре того же года, закрепляла продолжение восстановительных функций при сохранении акцента на реформе полиции и правосудия, тем самым создавая длительную институциональную рамку внешнего сопровождения в социальной и управлеченческой сферах [15].

В такой конфигурации хозяйственная и гуманитарная деятельность миссии становилась не вспомогательным направлением, а необходимым условием самой стабилизации, поскольку без восстановления базовых институтов и городской инфраструктуры поддержание порядка оставалось бы фактически невыполнимым, а ресурсы силового компонента неизбежно оказывались бы распылены на задачи, не входившие в исходные границы мандата. Как отмечал С. А. Тишков, после землетрясения МООНСГ окончательно утвердилась в качестве центрального координационного узла восстановления, что сопровождалось ростом значимости гражданских подразделений и расширением их участия в планировании программ занятости, размещения перемещенных лиц и реконструкции социальной среды [18].

Следовательно, чрезвычайная ситуация не только увеличила масштаб международного присутствия, но и изменила внутреннюю архитектуру миссии, усилив зависимость ее успеха от управлеченческих, гуманитарных и инфраструктурных решений. В результате миссия была вынуждена действовать в условиях, когда безопасность стала интерпретироваться через призму восстановления жизненно нужных функций государства и общества, а эффективность миротворчества определялась уже не только способностью пресекать насилие, но и способностью содействовать возобновлению нормальной социальной и административной жизни в посткатастрофической среде.

Следует отметить, что после землетрясения возросла роль гражданского и координационного аппарата МООНСГ, поскольку именно через него проходили основные потоки международной помощи, оценки потребностей и распределение задач между донорами и национальными ведомствами. С. А. Тишков подчеркивал, что в ходе развития гаитянской миссии ее многокомпонентный характер усиливался, а после 2010 г. МООНСГ окончательно закрепилась как ведущий координационный узел восстановления, фактически совмещая функции охраны безопасности, консультирования органов власти и управления гуманитарным полем [18]. Тем самым было институционально усилено то обстоятельство, что миротворческая структура стала посредником между внешним ресурсом и внутренним развитием, что в ряде аспектов объективно увеличивало зависимость страны от международной среды. Однако одновременно расширялись и каналы для «мягкой силы» латиноамериканских государств, прежде всего Бразилии и Чили, поскольку масштаб восстановительных задач требовал постоянного присутствия на местах, регулярных контактов с населением и включенности в национальные программы. В силу ранее сформированных зон ответственности и инженерных, медицинских и полицейских функций латиноамериканские контингенты оказались среди тех участников, чьи практики были наиболее заметны для общества. По данным справочных материалов ООН, именно такие компоненты, как инженерное сопровождение, патрульная поддержка полиции и гуманитарные проекты в общинах, получили усиление в постземлетрясенный период, поскольку без них не могла быть обеспечена минимальная управляемость территории [9; 10]. В результате «мягкая сила» Бразилии и Чили стала опираться не на

декларативное присутствие, а на нарастающий опыт практического взаимодействия, что соответствовало логике реляционных коммуникаций, акцентированной в трактовке Р. С. Захарны [23]. При этом, как представляется, рост символического и гуманитарного влияния происходил не в отрыве от военного мандата, а через него, поскольку обеспечение безопасности логистики, охрана распределительных узлов и поддержка полиции создавали возможность для реализации медицинских и инфраструктурных инициатив.

Вместе с тем расширение гуманитарной деятельности неизбежно усиливало требования к легитимности миссии и к ее общественному восприятию. В критике МООНСГ со стороны гаитянского общества со временем концентрировались обвинения в нарушениях прав человека, в недостаточной прозрачности процедур и в том, что международное присутствие стало восприниматься как внешний регулятор внутренних процессов. Следует иметь в виду, что в условиях постземлетрясенной реконструкции такие подозрения усиливались, поскольку многие ключевые решения принимались в координационных форматах миссии и донорских структур, а национальные институты оставались ослабленными и часто не обладали достаточным ресурсом для самостоятельного управления восстановлением. Х. Вальдес указывал, что недостаточная встроенность миссии в ожидания местных общин, слабая артикуляция мандатных целей в общественном пространстве и дефицит доверия к внешним акторам подрывали устойчивость международной стабилизации, даже если она сопровождалась очевидными инфраструктурными и гуманитарными результатами [3]. В данном выводе содержится ключевое указание на то, что «мягкая сила» в миротворческом контексте не может быть сведена к сумме проектов или числу выделенных средств, поскольку ее эффективность определяется тем, признается ли внешнее участие легитимным и соразмерным общественным потребностям.

По оценке С. А. Тишкова, снижение насилия и профессионализация полиции, которые фиксировались как центральные достижения МООНСГ, не сопровождались пропорциональным ростом общественного доверия к миссии, что выявляло трудность превращения силовой стабилизации в долговременную социальную опору [18]. Следовательно, «мягкая сила» латиноамериканских стран должна рассматриваться не как безусловный успех, а как процесс, в котором положительные гуманитарные эффекты сосуществовали с нарастающей чувствительностью населения к любым формам внешнего управления. Сказанное позволяет согласиться с тем, что миссия, будучи вынужденной расширить функции, одновременно стала уязвимее в репутационном отношении, поскольку каждое отклонение от ожидаемых норм поведения интерпретировалось обществом в масштабе всей операции.

К завершению миссии в 2017 г. был накоплен значительный массив практик, связывающих безопасность и гуманитарно-управленческое влияние, что требует трактовки ее финального этапа как институционального перехода, а не как простого завершения международного вмешательства. По данным ООН, сворачивание МООНСГ и учреждение Миссии по поддержке правосудия в Гаити означали признание необходимости сокращения военной составляющей при сохранении внешней помощи в развитии полиции, правосудия и пенитенциарной системы [8]. Тем самым было подтверждено, что основная стабилизационная задача рассматривалась как выполненная в первичных параметрах, тогда как институциональные последствия кризиса, а также социально-экономические уязвимости требовали иной формы международного сопровождения. Э. Варрей, реконструируя эволюцию гаитянских операций ООН, отмечал, что преемственность миссий заключалась в сохранении

координационных и консультативных механизмов, даже при формальной смене мандатов, что поддерживало долгосрочные каналы внешней вовлеченности [22]. Следовательно, завершение МООНСГ не устранило тех коммуникативных, гуманитарных и управлеченческих связей, которые были сформированы Бразилией и Чили на протяжении 2004–2017 гг., а лишь переводило их в менее военизированные формы присутствия, опирающиеся на прежние институты и социальные контакты. В этом отношении постмиротворственный период правильнее понимать как продолжение той же логики «связки безопасности и развития», но в более узком и специализированном формате, что соответствует общему направлению эволюции многокомпонентных миссий, ранее описанному С. А. Тишковым [17].

Таким образом, проведенный анализ позволяет трактовать латиноамериканскую «мягкую силу» в Гаити как институционально поддержанный результат миротворческой архитектуры МООНСГ, в которой чрезвычайные события 2010 г. сыграли роль катализатора и одновременно фактора напряжения. Бразилия, обладая лидерством в военном компоненте, в большей степени использовала миссию для формирования статуса ответственного регионального центра безопасности и развития, а гуманитарные и управлеченческие действия выступали продолжением этой линии, закрепленной и в политике сотрудничества Юг–Юг [19; 21]. Чили, действуя в более ограниченных масштабах, обеспечивала устойчивость своего влияния через инженерные и гуманитарные практики, формируя контакт с населением на уровне повседневной полезности, что усиливалось ростом гражданского компонента миссии после землетрясения [9; 10; 22]. Землетрясение 2010 г. усилило значение обеих стратегий, поскольку расширение миссии и увеличение донорских потоков объективно расширяли поле гуманитарной деятельности и внешней координации, однако одновременно обнажили пределы легитимности внешнего управления, от которого зависела воспринимаемая эффективность «мягкой силы» [14; 18]. В результате МООНСГ следует понимать как пример того, что долгосрочные миссии с государственно-строительным мандатом производят не только стабилизационные, но и символические эффекты, создавая участникам условия для развития публичной дипломатии и укрепления сотрудничества Юг–Юг в конкретной национальной среде [6; 7; 23]. В заключение отметим, что гаитянский опыт 2004–2017 гг. демонстрирует взаимную обусловленность силового и «мягкого» измерений миротворчества, при которой устойчивость внешнего влияния определяется не только ресурсами контингента и объемом проектов, но и степенью доверия принимающего общества, что должно учитываться при анализе последующих форм международного участия в Гаити.

По результатам проведенного исследования было установлено, что латиноамериканское присутствие в Гаити в период МООНСГ формировалось как устойчивое соединение силовой стабилизации и символико-гуманитарного влияния. Миссионная архитектура, изначально нацеленная на восстановление безопасности и государственных институтов, объективно создавала условия для длительного контакта внешних участников с населением и национальной администрацией, вследствие чего «мягкая сила» развивалась не как побочный эффект, а как функциональный элемент поддержания порядка и управляемости.

Было показано, что различие масштабов участия Бразилии и Чили не отменяло общности логики их действий: в обоих случаях публичная дипломатия, гуманитарные и инженерные практики опирались на институциональные ресурсы миссии и укрепляли внешнее влияние через повседневное присутствие и практическую полезность для

общин. События 2010 г. усилили данную тенденцию, поскольку расширение восстановительных задач потребовало увеличения гражданских функций и интенсивности взаимодействий с местными структурами, что повысило значимость доверия и коммуникации при сохранении опоры на безопасность.

Одновременно выявились пределы легитимности внешнего участия: общественное восприятие миссии зависело не только от результатов в сфере правопорядка, но и от степени согласованности международных практик с социальными ожиданиями, а также от способности участников открыто разъяснять цели и границы мандата. Завершение МООНСГ и переход к последующей миссии по поддержке правосудия подтвердили преемственность данной связки, поскольку военная составляющая была сокращена, но внешние консультативные и гуманитарные механизмы сохранились, обеспечив продолжение латиноамериканского влияния в менее военизированных формах. Тем самым гаитянский опыт позволяет трактовать длительные операции с государственно-строительным назначением как режимы, где устойчивость стабилизации и устойчивость «мягкой силы» взаимно обусловлены и опираются на единое институциональное основание.

Библиография

1. Баланык А.Я. Неклассические посланцы мира ООН в пиаризации международных отношений // Вестник международных отношений. 2016. № 4. С. 113-117.
2. Балуев Д.Г. Введение в политический анализ. Нижний Новгород : ИНГУ, 2000. 556 с.
3. Вальдес Х. МООНСГ и восстановление гаитянского государства. Международные исследования, 2008. Т. 159. С. 129-142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.revistaei.uchile.cl/index.php/REI/статья/файл просмотра/13924/14215> (дата обращения: 07.12.2024).
4. Гонсалес Райнерио З. Гаити в эпоху Жана-Бертрана Аристида // Романские исследования. 2016. № 32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/etudesromanes/5186> (дата обращения: 07.12.2024).
5. Доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 23 июня 2005 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2005/411> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Калдор М. Власть и принуждение: гражданская безопасность в глобализированном мире. Издательство "Тускетс Паблишерс", 2010.
7. Мелькин А.С. Международно-правовые проблемы миростроительства ООН в постконфликтных государствах. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 19. EDN: SUZTQL.
8. Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке сектора правосудия в Гаити: МООНППГ – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minujusth (дата обращения: 07.12.2024).
9. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ) – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah (дата обращения: 07.12.2024).
10. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити: справочная информация // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minustah/background.shtml> (дата обращения: 07.12.2024).
11. Промежуточный доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 30 августа 2004 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2004/698> (дата обращения:

30.08.2004).

12. Резолюция 1529 (2004). URL: www.docs.cntd.ru/document/902134480?ysclid=m4leqss2li504894356 (дата обращения: 07.12.2024).
13. Резолюция 1542 (2004) [об учреждении Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ)]. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2004/ru/60469 (дата обращения: 07.12.2024).
14. Резолюция 1908 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6261-м заседании 19 января 2010 года. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2010/ru/71721 (дата обращения: 07.12.2024).
15. Резолюция 1944 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6399-м заседании 14 октября 2010 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20\(2010\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20(2010)) (дата обращения: 14.10.2023).
16. Серрано Кабальеро Э. Операции по поддержанию мира на Гаити (1991–2005) // Проблемы редакции. № 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/603/522> (дата обращения: июнь 2007 г.).
17. Тишков С.А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования. Дисс. ... канд. полит. наук. Орел, 2011. 222 с. EDN: QFHMLN.
18. Тишков С.А. Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости: серия история и политология. 2017. № 15 (264). С. 175–182.
19. Триподи П. Журнал Вооруженные силы и общество. 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.resdal.org/haiti/art-tripodi.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).
20. ЭКЛАК, Рэндолльф Гилберт. Гаити: экономическая и социальная история. [Электронный ресурс]. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/ca60c347-03c7-4e29-be5b-0207f186227d/content> (дата обращения: 07.12.2024).
21. Malacalza B. Participants and Agenda of Latin American South-South Cooperation in Haiti // In: T. Ojeda, E. Echart (Eds.). South-South Cooperation in Latin America and the Caribbean. CLACSO, 2019. P. 129–141.
22. Varrey E. United Nations peacekeeping missions in Haiti (1993–2019). In Statu Nascendi, 2021. Т. 3.
23. Zaharna R.S. Information and Relational Communication Frameworks. In: Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by Snow N., Taylor P. Taylor & Francis, 2009. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является соотношение военно-политической роли Бразилии и Чили в Миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) и форм «мягкого» влияния, которые эти страны реализовывали в гаитянском обществе и институтах. Автор фокусируется на специфической форме международного влияния, сочетающей миротворчество, публичную дипломатию и сотрудничество по схеме Юг-Юг. Выбор предмета является точным и релевантным для анализа современных миротворческих

операций, выходящих за рамки чисто силового вмешательства.

Методологическая основа статьи включает сравнительно-исторический и институциональный подходы политического анализа, что позволяет автору реконструировать взаимосвязь между мандатом миссии, практиками его исполнения и внешнеполитическими целями Бразилии и Чили. Автор оправданно апеллирует к тезису Д.Г.Балуева о необходимости учета не только формальных норм, но и реальных механизмов распределения полномочий. Однако стоит отметить, что заявленные методы применяются скорее имплицитно, без детального описания их операционализации применительно к конкретным эмпирическим данным. Не хватает четкого разграничения сравнительного и исторического аспектов.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Изучение «мягкой силы» в контексте многокомпонентных миротворческих операций ООН находится на стыке нескольких дисциплин — международных отношений, политологии и конфликтологии. Обращение к гаитянскому примеру, особенно в свете недавнего завершения миссии и продолжающегося кризиса в Гаити, позволяет извлечь важные уроки для будущих операций. Фокус на латиноамериканском измерении представляет особый интерес в контексте растущей роли стран Глобального Юга в архитектуре международной безопасности.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении МООНСГ не просто как стабилизационной миссии, а как среды для реализации «мягкой силы» региональных держав. Автор убедительно показывает, как военное присутствие и гуманитарно-управленческая деятельность Бразилии и Чили взаимно дополняли друг друга, создавая устойчивые каналы влияния. Важным новым ракурсом является анализ событий 2010 года (землетрясения) не как сбоя, а как структурного поворота, изменившего внутреннюю архитектуру миссии и усилившего значимость гражданского компонента, что, в свою очередь, расширило возможности для «мягкой силы».

Статья написана научным стилем, терминология адекватны предмету. Структура в целом логична. Список литературыreprезентативен и включает широкий спектр источников. Присутствуют как классики теории, так и специалисты по региону. Небольшим недостатком можно считать отсутствие ссылок на работы, критикующие саму концепцию «мягкой силы» (например, Н. Фергюсона или Дж. Ная в его более поздних рефлексиях), что могло бы добавить дискуссионности.

Автор учитывает наличие в научной литературе противоположных точек зрения на природу участия Бразилии и Чили в Гаити. В тексте прямо указано, что некоторые исследователи видят в их действиях сугубо политические мотивы и приверженность коллективной безопасности, а не целенаправленное формирование «мягкой силы». Автор занимает взвешенную позицию, признавая, что обе логики — и официально-мандатная, и репутационно-стратегическая — сосуществовали и дополняли друг друга. Это придает аргументации убедительность.

Стоит отметить в статье удачное сочетание анализа военно-политических аспектов миротворчества с инструментарием теории «мягкой силы» и публичной дипломатии. Статья основана на тщательном изучении документов ООН и научных публикаций. Автор убедительно доказывает, что устойчивость влияния Бразилии и Чили определялась не объемом проектов, а доверием, возникшим из повседневного практического взаимодействия, институционально поддержанного миссией.

В качестве замечания к статье можно отметить определенную описательность, в некоторых разделах, особенно при изложении предыстории миссии и событий 2010 года, преобладает повествование над анализом. Не хватает более детального «механического» объяснения, как именно конкретные действия бразильских и чилийских контингентов транслировались в символический капитал и «мягкую силу».

Хотя автор упоминает о проблеме легитимности и критике миссии со стороны местного населения, этот аспект раскрыт довольно бегло. Более глубокий анализ восприятия действий Бразилии и Чили самими гаитянцами (например, через призму местных СМИ или интервью) значительно усилил бы работу.

Ключевой вывод статьи о том, что МООНСГ создала институциональную среду, в которой «мягкая сила» Бразилии и Чили развивалась не в отрыве от военного мандата, а через него, и что устойчивость этого влияния зависела от степени доверия принимающего общества, представляется весьма убедительным и научно обоснованным. Такой вывод вносит значительный вклад в понимание современных миротворческих операций, демонстрируя их многогранное воздействие на международные отношения и статус участников.

Статья, без сомнения, вызовет интерес у специалистов в области международных отношений, политологии, латиноамериканских исследований и конфликтологов. Может быть полезна исследователям миротворчества ООН, «мягкой силы» и внешней политики Бразилии и Чили.

На основании вышеизложенного, считаю, что статья «Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017)» соответствует научному уровню и тематической направленности журнала «Конфликтология / nota bene». Работа обладает значительной научной ценностью, актуальностью и новизной.

Рекомендую статью к публикации после устранения незначительных стилистических недостатков, а именно: 1) внесение ясности в методологический раздел, конкретизировав, как применялись заявленные подходы, 2) слегка отредактировать текст в сторону большей структурной четкости и динамики изложения, возможно, разбив его на подразделы. После соответствующей доработки статья, несомненно, станет ценным вкладом в научную дискуссию.